

Научная статья / Original article

УДК 343.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-109>

**Текст в уголовном судопроизводстве: некоторые
междисциплинарные аспекты**

Лютынский Антон Мечиславович

Северо-Западный институт (филиал)

Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия,

anton040677@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Аннотация. В статье предложены к рассмотрению отдельные проблемы уголовно-процессуального права в рамках постмодернистских подходов к анализу социальных явлений. Обратившись к публикациям в области культурологии, филологии, философии, автор показывает уголовный процесс (уголовное судопроизводство) как сложную систему нескольких уровней текста, взаимодействующих между собой: текст протокола, текст процессуального решения, текст закона, научный (доктринальный) текст. В качестве главного предмета анализа выступает текст показаний участника уголовного судопроизводства (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, эксперта), получаемый на допросе. Правовое значение вербальная информация, получаемая в ходе допроса, получает лишь после превращения в текст показаний, в создании которого активную роль играют властные участники производства по уголовному делу. Созданные таким путем тексты служат основным материалом для итогового решения по уголовному делу текста, формируемого на основе текстов, образующих содержание уголовного дела. Нормативные требования к получению показаний и принятию обоснованных решений содержатся в текстах особого рода — нормативных актах, уголовно-процессуальном законе. Этот пример иллюстрирует феномен права как текста. Также в этом контексте сделана попытка анализа некоторых научных и учебных текстов из области теории права, издававшихся в послевоенном СССР. Показано значение доктринальных текстов советского времени и их влияние на правовую реальность современного уголовного судопроизводства. В статье рассмотрены некоторые доктринальные термины, которые во многом определили содержание советской уголовной и уголовно-процессуальной политики. Советская правовая терминологическая традиция, отражавшая идеологические догмы, влияла и до сих

пор влияет на понимание важнейших аспектов уголовного судопроизводства, и даже на практику работы правоохранительных органов. Содержание современной дискуссии о сущности законности, об истине как цели уголовно-процессуального доказывания и важнейшей задаче уголовного судопроизводства во многом обусловлено представлениями, сложившимися в советской юридической науке.

Ключевые слова: постмодернизм, уголовное судопроизводство, показания, язык уголовного процесса

Для цитирования: Лютынский А. М. Текст в уголовном судопроизводстве: некоторые междисциплинарные аспекты // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 109—125. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-109>.

Text in Criminal Proceedings: Some Interdisciplinary Aspects

Anton M. Liutynskii

North-West Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin, Vologda, Russia, anton040677@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Abstract. *The article describes certain problems of criminal procedural law in the framework of postmodern approaches to the analysis of social phenomena. Referring to publications in the field of Cultural studies, Philology, and Philosophy, the author shows the criminal process (criminal proceedings) as a complex system of several levels of text interacting with each other: the text of the protocol, the text of the procedural decision, the text of the law, and the scientific (doctrinal) text. The main subject of analysis is the text of the testimony of a participant in criminal proceedings (witness, victim, accused, suspect, expert) obtained during interrogation. Verbal information obtained during interrogation acquires legal significance only after it is transformed into a text of testimony, with authoritative participants in the criminal case playing an active role in its creation. The texts created in this way serve as the main material for the final decision in the criminal case for a text formed on the basis of the texts that form the content of the criminal case. Regulatory requirements for obtaining evidence and making informed decisions are contained in a special kind of texts — regulatory acts, criminal procedure law. This example illustrates the phenomenon of law as a text. Also in this context, an attempt was made to analyze some scientific and educational texts from the field of the theory of law published in the post-war USSR. The value of the doctrinal texts of the Soviet period and their influence on the legal reality of modern criminal proceedings are shown. The article discusses some doctrinal terms that largely determined the content of the Soviet criminal and criminal procedure policy. The Soviet legal terminological tradition while reflecting ideological dog-*

mas influenced and still affects the understanding of the most important aspects of criminal proceedings, and even the practice of law enforcement agencies. The content of the modern discussion about the essence of legality, about truth as the goal of criminal procedural proof and the most important task of criminal proceedings is largely due to the ideas prevailing in Soviet legal science.

Keywords: *postmodernism, criminal proceedings, testimony, language of criminal proceeding*

For citation: Liutynskii A. M. Text in criminal proceedings: some interdisciplinary aspects. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2021(4):109—125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-109>.

Введение. Последние десятилетия в гуманитарных науках можно увидеть постоянное развитие междисциплинарных связей. Это явление все сильнее затрагивает отраслевые правовые науки, которые в силу своей специфики и важных прикладных задач более закрыты для связей с другими областями знания. Расширение и углубление связей уголовно-правовых наук с другими науками гуманитарного характера (социология, философия и т. д.) представляется актуальным в первую очередь в теоретическом плане. Анализ привычных правовых понятий через новые подходы позволит глубже анализировать их содержание. Автор предлагает рассматривать данную статью как продолжение пока еще немногочисленных публикаций, предлагающих совмещение нескольких научных дискурсов при анализе правовых понятий. В качестве иллюстрации такого подхода можно показать, как известный социолог науки Б. Латур анализирует и сравнивает работу юристов и ученых, находя различия в том числе в особенностях использования текста, к которому юристы прагматично сводят многообразие мира, выполняя важнейшую общественную функцию [1, с. 90], а российский криминолог анализирует социальную реальность через исследование текстов из документов уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных в 90-е годы прошлого века [2].

В рамках настоящей публикации сделана попытка соединить несколько подходов, выйти за пределы традиционного для науки уголовного процесса права анализа уголовно-процессуальных норм [3] и практики их применения [4]. Развитие междисциплинарного подхода, анализа взаимосвязи разных областей научного знания

позволяет ставить вопрос о правомерности рассмотрения уголовно-процессуальных понятий (например: истина по делу, законность, показания, протокол следственного действия) не только в историческом контексте, но и с привлечением исследований в области филологии, литературоведения, политической антропологии и др.

Попытка совмещения новых подходов к анализу правовых явлений видится актуальной и могущей иметь значение для дальнейшего развития междисциплинарных связей правовых и иных гуманитарных наук — философии, лингвистики, исторической антропологии и т. д.

Предметом исследования являются несколько важнейших правовых явлений из области уголовного судопроизводства — показания, законность, доказывание, существующие в рамках норм уголовно-процессуального права, проанализированные на основе изучения: 1) норм Уголовно-процессуального кодекса России (Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ в ред. от 01.07.2021 года, далее — УПК РФ); 2) юридических научных текстов; 3) текстов, содержащих официальное судебное толкование отдельных норм права — позиции Пленума Верховного суда РФ; 4) текстов судебных решений по уголовным делам и текстов в процессуальных документах по уголовным делам, содержащих показания (практика Вологодского городского суда, 2020 год).

Постмодернизм — философское направление, выросшее в XX веке в основном из философии культуры и структурализма как одного из направлений философии. В его основе лежат несколько концептуальных положений, которые здесь мы не будем подробно анализировать. В научной литературе не раз отмечали сложность определения сущности постмодернизма. Это и система взглядов, и особенный стиль мышления, и признак кризиса культуры, симптом тревожного состояния общества [5, с. 49]. Сама суть постмодернизма позволяет выбрать какой-то особый аспект. Ближе всего к теме настоящей публикации постмодернистский подход, сложившийся в культурологии и литературоведении, где вводится и используется понятие кода, метаповествования, метарассказа, дающего основу для философии повседневности [6, с. 104].

Истины и подлинного знания в этой постмодернистской концепции не существует, она создается нарратором (рассказчиком)

в процессе создания текста, и кроме текста (который шире, чем просто лингвистическое понятие) не существует ничего [7, с. 99].

Важнейшими понятиями постмодернистского подхода выступают:

а) деконструкция, которая заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые, в свою очередь, столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи;

б) симулякр, т.е. результат процесса симуляции, когда реальность создается моделями реального. Постмодернисты утверждали, что основой знания и подсознания является язык, т.е. текст, опосредующий связь с реальностью и эту реальность создающий с помощью таких средств, как цитатность, возможность интерпретаций, игровое начало, пародийность, размытость авторского начала и др. [8, с. 50].

Продуктивность постмодернистского подхода к описанию правовых явлений заключается в расширении возможности более свободного обращения со сложными категориями; в возможности применить критику явления в соответствующем контексте, привлекая данные других наук; в поиске такого способа интерпретации, который служит прикладным общественным задачам права; в совершенствовании языков, которым пользуются юристы — как нормативного языка, так и текста, порождаемого в ходе правоприменения.

Говоря о применении постмодернистских подходов к уголовно-процессуальному праву, можно провести аналогию с исторической наукой. На наш взгляд, в определенном смысле историческое исследование как способ познания близко к процессуальному познанию преступления (всегда — события прошлого) в рамках уголовного дела. Методология исторического исследования близка к правовым наукам, исследующим процесс познания преступного события [подробнее см. 9].

Философский аспект показаний и текстов протоколов в уголовном судопроизводстве можно рассматривать как частный пример, иллюстрирующий проблемы познания, и как элемент дискуссии об истинности знания, получаемого в рамках уголовно-

процессуального доказывания. Эти вопросы привлекают внимание ученых-юристов. Так, в междисциплинарном исследовании, посвященном особенностям юридического познания в очередной раз (в контексте известного законопроекта об объективной истине) ставится вопрос о необходимости дальнейшего развития взаимосвязи юридической науки и новых философских направлений [10, с. 33—47].

В. А. Лазарева и Д. В. Попов в совместной монографии подробно анализируют сущность показаний свидетеля, используя в том числе постмодернистский подход, в рамках которого вполне правомерны утверждения о том, что реальности нет, есть виртуальная реальность как совокупность созданных и интерпретированных текстов. При этом авторы на примере показаний описывают свое понимание создания правовой реальности в рамках уголовного дела: показания, которые в ходе процессуальных действий излагает свидетель (сообщение) — первая фаза существования правовой реальности; сообщение создает основу для протокола следственного (судебного) действия — это уже другой текст, другая реальность [11, с. 17—18]. Не соглашаясь частично с данной позицией, отметим, что судопроизводство по конкретному делу — явление, существующее в текстовой (виртуальной) реальности более высокого порядка — в правой реальности, которую формирует закон в широком смысле (Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Конституция РФ, нормы международного права и т. д.) и уточняет правоприменительная практика. Игнорировать это «правовое поле» невозможно — оно создает нормативный язык, который имеет определяющее значение для производных явлений, которым, например, является доказательство по уголовному делу. В соответствии с этим уровнем реальности показания — не только сообщение свидетеля в виде устной вербальной информации. Показания — это письменный текст, созданный определенным в законе лицом по специальным правилам на основе сообщения лица, которое по закону может быть допрошено, и оформленный также в соответствии с законом. Другими словами, показания — это реальность, сформированная допрашивающим совместно с допрошенным лицом и отраженная в виде текста в официальном документе, имеющем правовое значение (протокол допроса, очной ставки, предъявления для

опознания на предварительном следствии, протокол судебного заседания, составляемый в ходе судебного разбирательства).

Значение этого текста сложно переоценить, тексты-показания позволяют формировать еще один слой правовой реальности — приговоры и иные итоговые решения по уголовным делам, имеющие огромное значение для конкретных ситуаций и людей. Именно поэтому нельзя согласиться с утверждением В. А. Лазаревой и Д. В. Попова, что показания существуют лишь в тот момент, когда свидетель излагает суду сохраненную в памяти информацию [11, с. 19]. Закон дает возможность участникам допроса — получателям информации — в момент формирования показаний *влиять* на позицию допрашиваемого и таким образом *формировать* итоговый текст. Именно он, а не слова, сказанные вне его, имеют значение для суда при оценке доказательства, именно показания как текст существуют в поле текста права.

Кроме того, нельзя забывать и то, что с точки зрения уголовного права ответственность за показания наступает с момента их фиксации в протоколе, т. е. до этого получаемая информация не обладает признаками показаний. При том, что непосредственность получения показаний закон в целом предусматривает как важное правило, но оно имеет определенные объективные исключения. В ряде случаев показания как текст, оформленный в рамках предварительного расследования, могут быть исследованы в суде путем их оглашения, т. е. по существу путем прочтения вслух в рамках судебного разбирательства по делу. Только после этого показания могут лечь в основу судебного решения по делу.

Таким образом, взяв в качестве примера уголовное судопроизводство, мы можем увидеть взаимосвязь трех уровней реальности в виде текста: уровень закона, текст которого формирует законодатель; уровень процессуальных документов, содержащих текстовую информацию, имеющую значение в качестве доказательства; текст судебного решения по конкретному делу, опосредованный, с одной стороны, требованиями закона, с другой — полученными и исследованными доказательствами.

Лингвистика рассматривает язык как кодовую систему. Ученые-лингвисты относят протокол допроса к вторичному речевому жанру делового «пространства общения», так как в нем отражаются ход и результаты речевого события допроса; речевое событие допроса —

это первичный жанр, а сам протокол — самостоятельное речевое образование, автором которого выступает лицо, составляющее протокол [12, с. 21].

Современные данные лингвистики позволяют назвать работу юриста, составляющего протокол следственного действия или судебного заседания, восходящей трансформацией — поднимающей нормы устной речи до необходимого уровня кодировки с помощью различных уровней трансформации: лексической, грамматической, прагматической (затрагивающей не только стиль, но информационный аспект сообщения). Работа юриста при этом сравнивается с работой переводчика, который также не имеет права изменять смысловое ядро. При этом авторы-лингвисты отмечают отсутствие в образовательных программах подготовки обучения языковой трансформации [13, с. 100].

Значение и сущность текста в праве можно показать на примере терминологии науки уголовного процесса и ее соотношения с правом и реальной практикой. Современная наука отечественного уголовно-процессуального права не может не использовать советский опыт в рамках сохраняющейся научной и правовой традиции. Рассмотрим несколько наиболее популярных конструкций советского правового языка, повлиявшего и влияющего до сих пор на отечественный уголовный процесс.

Язык любой советской науки имел догматическую основу. Как пишет А. Юрчак, опираясь на Лефора, идеологический дискурс вынужден постоянно апеллировать к некоей объективной, не поддающейся сомнению истине. Она не может быть подвергнута сомнению и проверена. Сформировался метадискурс — усложненная форма идеологического высказывания. Кроме того, используется еще одно понятие — авторитетное слово — первичный аксиоматический эталон [14, с. 48—54]. К «авторитетному слову» ученые обращались через публикации классиков марксизма-ленинизма, программных документов КПСС и т. п.

На основе авторитетного слова рождался своеобразный новояз — официальная лексика и фразеология советского общества, форма отражения «идейного мифотворчества». В публикациях выделяют характерные черты советского языка: минимизация активного словарного запаса; тяга к сокращению слов с целью отсечения нежелательных ассоциаций, создание эвфемизмов, политизация

нейтральной лексики, трансформация фразеологии в партийное творчество, «лозунгология» [15, с. 6].

Для советских публикаций на тему уголовной политики и судопроизводства была характерна «несоветская» лексика, которая в советском контексте создает пафос повествования о каком-то явлении. Обычно речь шла о будущем, но при описании работы правоохранительной системы также использовалась для гиперболизации слова, подчеркивания его особенной значимости. Иногда эти термины могли даже включаться в тексты нормативных актов, пройдя путь из публикаций классиков марксизма-ленинизма через научную и публицистическую литературу.

Е. Добренко анализировал сущность соцреализма как разрешенной формы языка искусства и литературного текста (научного и художественного). Тексты, описывающие советскую действительность по канонам соцреализма, отличает отсутствие границы между «реальностью» и «идеалом»; господство изображений реальности над реальностью; «логократия» (термин, предложенный М. Мамардашвили); создание «продуманных мнимостей» [16, с. 144—145].

Понятие «социалистическая законность» указывалось как основной принцип деятельности советских правоохранительных органов, в отличие от буржуазной законности, которую считали методом осуществления буржуазией своего классового господства [17, с. 3]. Социалистическая законность не была равной законности буржуазной, это законность нового, высшего типа. Правовая доктрина описала этот принцип на основе сочинений В. И. Ленина, выведя из нескольких разрозненных публикаций. Социалистическая законность, в частности, означала: а) *строгое и неуклонное* (здесь и далее термины усиления выделены нами. — А. Л.) соблюдение и исполнение советских законов всеми органами Советского государства и гражданами; б) требование «соблюдать *свято* законы и предписания Советской власти», *строжайшее* соблюдение законов; особая форма советской государственной деятельности — высший надзор за *точным* исполнением законов [18, с. 10].

Из этих положений следовало, что советские законы — это некий не подлежащий критике абсолют, выражающий идеальность и непогрешимость его источника. Это означало, что советское государство — особенное государство.

В публикациях по уголовному судопроизводству советский суд по уголовным делам представлялся исключительно как *средство борьбы с преступностью* (здесь и далее характерная устойчивая лексика выделена нами. — А. Л.), защиты социалистической законности и правопорядка. При этом прокуратура являлась важнейшим государственным органом с похожими функциями, она должна была активно содействовать советскому суду в осуществлении социалистического правосудия [19, с. 3].

Советское право определялось учеными как система установленных правил, социалистическая законность — *точное и безусловное* исполнение *всеми* требований законов. В основе социалистического правопорядка лежит социальная справедливость и *подлинный* гуманизм. Как указывалось в одной из работ, подлинный гуманизм не следует путать с беззубым либерализмом, всепрощением, а гуманными являются и самые строгие меры уголовного наказания [20, с. 8].

Суд, будучи частью этого идеального государства, наряду с органами прокуратуры, адвокатуры и нотариата считался правоохранительным органом, выполняет функции *всермерного укрепления* социалистической законности и правопорядка, способствует охране общественного строя СССР, его политической и экономической системы [18, с. 3]. Это принципиально важно для понимания советской модели юстиции — суд и органы обвинительной власти не разделялись, выступали разными орудиями государства, решавшими одни и те же задачи, руководствуясь практически безупречными законами.

Суд в работах по судебной власти описывался как строгий и справедливый механизм, который распутывал сложные хитросплетения, выводил на чистую воду жульнические махинации и вставал на защиту интересов честного советского человека [20, с. 3].

Эта работа невозможна без идейного и сущностного обоснования решений, принимаемых советским судом. Философскую основу решений, в частности по уголовным делам, должна была составлять *объективная истина*. Это понятие можно расценивать как пример использования юристами «авторитетного слова» (см. выше), к которому должен обратиться всякий, в т.ч. юрист, кто описывает реальность. В науке советского уголовного процесса это понятие получило своеобразное выражение. Несмотря на переоценку

некоторых подходов во второй половине 50-х гг., общеобязательными остались утверждения о том, что при расследовании преступлений должны учитываться диалектические основы познания, указанные В. И. Лениным, а также его утверждения, что каждое преступление должно быть раскрыто [21, с. 8]. Цитаты из работ В. И. Ленина, по существу, предопределили содержание важнейших понятий уголовно-процессуального права. Так, идея Ленина о том, что для получения истинных знаний необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, видимо, стала основой для нормы советского закона о всесторонности, полноте и объективности рассмотрения обстоятельств дела.

М. С. Строгович, один из самых значимых советских ученых-процессуалистов, в своей фундаментальной работе сформулировал следующие положения: 1. Фундаментальную базу доказывания в уголовном процессе составляет «марксистско-ленинская теория познания» как эталон рационального, объективного, научного подхода к анализу явлений. Учение об истине может иметь сугубо практический характер и подходит для вопросов познания в уголовном судопроизводстве. 2. Наши ощущения и представления — слепки и снимки с действительности, в наших понятиях и суждениях находит отражение т.н. «объективная действительность», а истина — это соответствие наших представлений ей, объективной действительности. 3. Объективная действительность познаваема нет вещей, недоступных человеческому сознанию. 4. Существует объективная относительная и абсолютная истины. Относительная истина — степень познания истины абсолютной. Суд устанавливает в своём решении *абсолютную истину*, а не относительную, вероятную [22, с. 60—4]. Аксиомой стал подход: суд и правоохранительные органы одинаково должны стремиться к установлению истины.

Исходя из этих положений М. С. Строгович указывал, что в случае оправдания не причастного суд *не нашел истину, он не знает, где истина*. Эту проблему должно было помочь решить дополнительное следствие.

В партийных документах и научной литературе нераскрытые преступления и прекращенные в связи с неустановлением истины уголовные дела указывались как серьезный, хотя и временный недостаток правоохранительной и судебной системы [23, с. 3].

Приведенные цитаты и положения демонстрируют, как на основе идеологических догм в теории была сформулирована концепция познания в уголовном судопроизводстве, напоминающего научное познание. Государственная цель — борьба с преступностью — стала определять характер и содержание уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом юридические тексты — научные и нормативные — стали формировать такую часть правовой реальности, как судебная и следственная практика.

Жесткие словесные формулы становились стереотипами и штампами не только через повторение в научной и учебной литературе по праву, но и путем закрепления в тексте нормативных актов и практики их применения. Постепенно они закрепились в общественном сознании, профессиональной культуре и до сих пор влияют на право и его понимание.

Так, до сих пор актуальной является проблема оценки работы правоохранительных органов, полиции через раскрываемость преступлений. Нераскрытое преступление часто считается результатом плохого исполнения обязанностей сотрудниками. Низкий процент оправдательных приговоров также можно назвать следствием советского понимания роли суда и правоохранительных органов в борьбе с преступностью, а оправдание подсудимого судом воспринимается как крупный недостаток работы прокуратуры и органов следствия.

Заключение. 1. Текст в праве — многомерная и многоуровневая реальность. Текст правового акта формирует правовую реальность практики уголовного судопроизводства. Будучи результатом работы законодателя и ученого (которая также проявляется в специальных текстах), нормативный текст представляет собой правовую реальность со своим языком, логикой, правилами.

2. Политическая ситуация во многом определяет механизм и логику создания текста правового акта. Для советской правовой системы была характерна довольно жесткая связь между научным текстом, раскрывающим уголовно-процессуальные понятия, и текстом советского уголовно-процессуального закона. Авторы научных текстов не могли не учитывать и не развивать догматические постулаты, отраженные в «авторитетном слове» — «руководящих и направляющих» текстах партийных руководителей и классиков марксизма-ленинизма.

3. Текст материалов уголовных дел и процессуальных решений — реальность, существующая в рамках, заданных текстом нормативного акта. Авторы текстов — нарраторы — оперируют терминами и логикой правовой реальности — законодательства и его толкования высшими правоприменителями. При этом создатели протоколов делают это сознательно — они должны правильно понять и применить терминологию уголовного и уголовно-процессуального права, соотносить ее с вербальной информацией, исходящей от допрашиваемого, и осуществлять своеобразный перевод. Постмодернисты исходят из того, что создающий реальность делает это подсознательно, навешивая словесные ярлыки, профессиональный юрист с точки зрения закона должен делать это вполне осознанно, но можно допустить и подсознательный элемент в этой деятельности.

Авторское начало при создании такого текста часто носит размытый характер. Так, текст описательной части протокола формально «принадлежит» другому — лицу, дающему показания, но это лишь то, что подберет и зафиксирует нарратор, который, опираясь на другой текст — УПК, УК, одновременно создает правовую реальность, на основе которой правоприменителем (судом, следователем) создаются тексты процессуальных решений.

Таким образом, мы имеем дело со своеобразным и сложнейшим явлением. Теория права, право и правоприменительная практика образуют в терминологии постмодернизма гипертекст, где исходный текст — доктрина и кодифицированное право, которые обуславливают тексты материалов уголовных дел (протоколов, решений и др.), кодирующие представления о реальности расследованных преступлений.

Список источников

1. Латур Б. Научные объекты и правовая объективность // Культуратор. 2011. № 2. С. 74—95.
2. Разогреева А. М. Инерция. Гибридное правоприменение в романтический период судебной реформы // Неприкосновенный запас. 2019. № 3(125). С. 129—152.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.

4. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 г. Москва // Российская газета. № 297. 29.12.2017.
5. Олизько Н. М. Постмодернизм: к проблеме определения понятия // Вестник ЮургУ. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 49—52.
6. Кожевников Н. Н. Постмодернизм // Наука и техника в Якутии. 2005. № 2(9). С. 103—107.
7. Пономаренко И. Н. Постмодернизм и гипертекст // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2005. № 7. С. 98—103.
8. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. 424 с.
9. Егоров А. К., Каменев Е. В. Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 506—521.
10. Воскобитова Л. А., Прижиленский В. И. Социальные технологии и юридическое познание : монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 192 с.
11. Лазарева В. А., Попов Д. В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. 160 с.
12. Шульгина К. В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста // Сибирский филологический форум. 2020. № 4(12). С. 21—28.
13. Марьева М. В. Стилистическая трансформация текста в юридической практике // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2016. № 2 (44). С. 99—104.
14. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
15. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с.
16. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
17. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 319 с.
18. Судостроительство СССР и организация работы судов, органов юстиции и прокуратуры : учебник / Б. В. Алексеев, Г. П. Батуров, А. А. Гравина, Е. А. Зайцев, др. М.: Юрид. лит., 1983. 224 с.
19. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М. М. Гродзинский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
20. Перлов И. Д. Как устроены суд, прокуратура и адвокатура в СССР. М.: Знание, 1964. 96 с.

21. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие для студентов, изучающих спецкурс «Доказательства в уголовном процессе». М., 1966. 102 с.

22. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.

23. Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела / науч. ред. В. Д. Арсеньев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 104 с.

References

1. Latur B. Scientific objects and legal objectivity. *Kul'tivator*, 2011, no 2, pp. 74—95. (In Russ.)

2. Razogreeva A. M. Inertia. Hybrid Law Enforcement in the Romantic Period of Judicial Reform. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no 3(125), pp. 129—152. (In Russ.)

3. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 24.02.2021)* [Russian Criminal Procedure Code]. *Rossijskaya gazeta*, no 249, 22.12.2001. (In Russ.)

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court, December 19, 2017 no 51 “On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure for legal proceedings)”. *Rossijskaya gazeta*, no 297. 29.12.2017. (In Russ.)

5. Oliz'ko N. M. Postmodernism: on the problem of defining a concept. *Vestnik YurGU. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»*, 2006, no 6 (61), pp. 49—52. (In Russ.)

6. Kozhevnikov N. N. *Postmodernism. Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2005, no 2(9), pp. 103—107. (In Russ.)

7. Ponomarenko I. N. Postmodernism and hypertext. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshchestvennye nauki = University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2005, no 7, pp. 98—103. (In Russ.)

8. Il'in I P. *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Glossary of terms]. Moscow, 2001. 424 p. (In Russ.)

9. Egorov A. K., Kamenev E. V. The Power of Language and the Language of Power as a Postmodern Context of Historical Research. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Istorija = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, vyp. 2, pp. 506—521. (In Russ.)

10. Voskobitova L. A., Prizhilenskij V. I. *Social'nye tekhnologii i yuridicheskoe poznanie: monografiya* [Social technologies and legal knowledge]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017. 192 p. (In Russ.)

11. Lazareva V. A., Popov D. V. *Problemy ispol'zovaniya svidetel'skih pokazanij v ugolovnom processe* [Problems of using testimony in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 160 p. (In Russ.)

12. Shul'gina K. V. Non-author's speech in the interrogation protocol as a type of secondary text. *Sibirskij filologicheskij forum = Siberian Philological Forum*, 2020, no 4 (12), pp. 21—28. (In Russ.)

13. Mar'eva M. V. Foreign speech in the interrogation protocol as a type of secondary text. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2016, no 2(44), pp. 99—104. (In Russ.)

14. Yurchak A. V. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p. (In Russ.)

15. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. St. Petersburg, Folio-press Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

16. Dobrenko E. *Politekonomiya socrealizma* [The political economy of socialist realism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)

17. Strogovich M. S. *Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh prigovorov* [Verification of the legality and validity of court sentences]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. 319 p. (In Russ.)

18. *Sudoustrojstvo SSSR i organizaciya raboty sudov, organov yusticii i prokuratury* [The judicial system of the USSR and the organization of the work of courts, justice bodies and the prosecutor's office] / B. V. Alekseev, G. P. Baturov, A. A. Gravina, E. A. Zajcev. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1983. 224 p. (In Russ.)

19. Strogovich M. S. *Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom processe* [Criminal prosecution in soviet criminal proceedings] / ed. M. M. Grodzinskij. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 191 p. (In Russ.)

20. Perlov I. D. *Kak ustroeny sud, prokuratura i advokatura v SSSR* [How the court, the prosecutor's office and the legal profession are organized in the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1964. 96 p. (In Russ.)

21. Lupinskaya P. A. *Dokazyvanie v sovetskom ugolovnom processe* [Proofing in Soviet Criminal Proceedings]. Moscow, 1966. 102 p. (In Russ.)

22. Strogovich M. S. *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom processe* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, AN SSSR Publ. 384 p. (In Russ.)

23. Stojko N. G. *Nedokazannost' obstoyatel'stv ugolovnogo dela* [Failure to prove the circumstances of a criminal case] / ed. V. D. Arsen'ev. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk university Publ, 1984. 104 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Лютынский Антон Мечиславович

Anton M. Lyutynsky

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики, Северо-Западный
институт (филиал) Университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Scopus Author ID: 57204453028

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Criminal Litigation
and Criminalistics Department of
North-West Institute (branch) of the
University named after O. E. Kutafin,
Scopus Author ID: 57204453028

160000, Россия, Вологда, ул. Марии
Ульяновой, д. 18

18, Maria Ulyanova St., Vologda,
160000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	16.08.2021
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	29.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication	23.11.2021